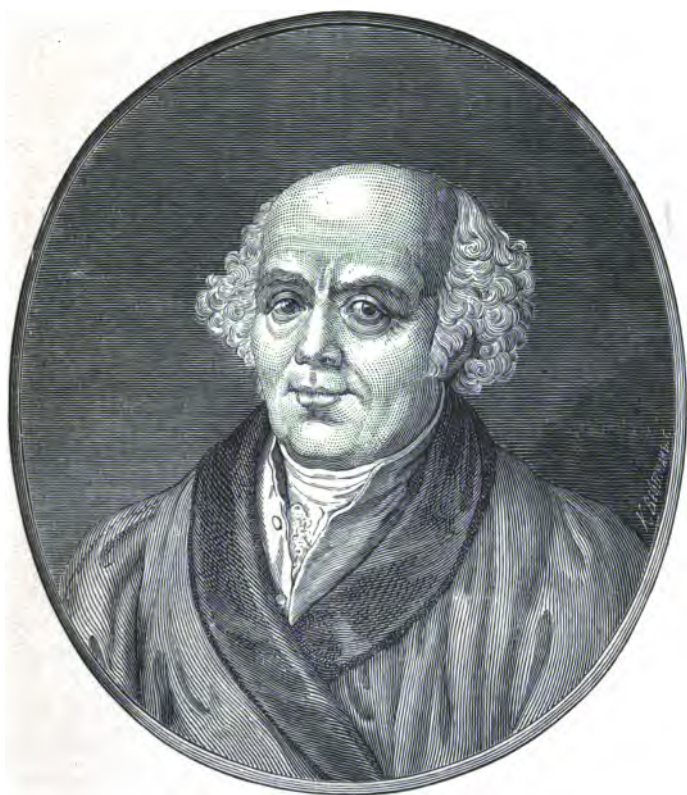

Samuel Hahnemann

САМУИЛЬ ГАНЕМАННЪ.

Hahnemann, Samuel
[Organon der rationellen Heilkunde.
Russsisch]

Organ vnahebnago iskusstva

ОРГАНОНЪ

ВРАЧЕБНАГО ИСКУСТВА

ИЛИ

ОСНОВНАЯ ТЕОРІЯ ГОМЕОПАТИЧЕСКАГО ЛЕЧЕНІЯ

ДОКТОРА САМУИЛА ГАНЕМАННА.

Aude sapere.

СЪ ПОСЛѢДНЯГО (ПЯТАГО) НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПЕРЕВЕЛЪ

Лекарь В. Сорокинъ.

Съ нѣкоторыми дополненіями изъ четвертаго изданія и предисловіемъ переводчика;
съ портретомъ и факсимиле автора.

Изданіе Ф. ФЛОММИНГА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія В. Фрейманъ (Вас. Остр., 3 л., д. № 44).

1884.

Taut

6'5.53

41501

227

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 4 Декабря 1884 г.

5-17-43. 425.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Христіанъ-Фридрихъ-Самуилъ Ганеманнъ родился 10-го апрѣля 1755 г. въ Саксоніи, въ гор. Мейсенѣ. Отецъ его былъ искусный живописецъ на мѣстномъ фарфоровомъ заводѣ и отличался стараніемъ въ работѣ и бережливостію. Первоначальное воспитаніе любознательнаго ребенка было исполнено его родителями. Отецъ училъ его наблюдательности посредствомъ рисунковъ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучалъ къ практическому опыту, развивая пытливость и самостоятельность сужденія. Мать приняла на себя первоначальное школьное обученіе.

При этихъ благопріятныхъ условіяхъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ преобладали честность, простота и практическій талантъ, у ребенка развились быстрота соображенія, прилежаніе и значительныя способности уже въ мѣстномъ приходскомъ училищѣ, куда онъ поступилъ на двѣнадцатомъ году жизни. Спустя три года, онъ поступилъ въ городскую школу, основанную курфюрстомъ Морицомъ Саксонскимъ, гдѣ вскорѣ приобрѣлъ любовь своихъ учителей прилежаніемъ и замѣчательными способностями.

Не смотря на явную склонность сына къ образованію, отецъ Ганеманна, ввиду собственной бѣдности и скромнаго положенія въ обществѣ, предназначалъ его для торговаго званія и отослалъ было уже къ одному торговцу кореньями въ Лейпцигѣ, такъ что только настоятельныя просьбы директора школы заставили его отказаться отъ своего намѣренія.

Директоръ принялъ мальчика въ школу даромъ и даже помѣстилъ его у себя въ домѣ. Въ этой, замѣчательной для своего времени школѣ, Ганеманнъ приобрѣлъ классическое образованіе и основательное знаніе французскаго и англійскаго языковъ; здѣсь установились основы его философскаго и реального образованія; здѣсь же выяснилась его страсть къ естествовѣдѣнію. Результатомъ послѣдней было недюжинное сочиненіе для выпускнаго экзамена «О дивномъ строеніи человѣческой руки».

Двадцати лѣтъ, съ двадцатью талерами въ карманѣ, Ганеманнъ отправился въ лейпцигскій университетъ, гдѣ долженъ былъ жить уроками и переводами съ иностранныхъ языковъ, привыкая уже смолodu къ борьбѣ съ суровою нуждою и лишеніями, не покидавшюю его втеченіе почти всей остальной жизни.

Черезъ два года (1777), Ганеманнъ изъ Лейпцига, гдѣ условія медицинскаго образованія въ то время были неудовлетворительны, отправился въ Вѣну. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ принялъ здѣсь предложенное ему мѣсто домашняго врача и бібліотекаря у барона фонъ-Бруккенталь, въ Германштадтѣ. Приведя въ порядокъ бібліотеку и занимаясь въ тоже время городскою практикою, Ганеманнъ получилъ наконецъ матеріальную возможность приступить къ исполненію своего пламеннаго желанія, — отправиться въ Эрлангенъ, чтобы держать тамъ экзаменъ на степень доктора медицины.

10-го августа 1779 г., онъ защитилъ свою диссертацию «О причинахъ и леченіи судорожныхъ болѣзней» (*Conspectus adfectuum spasmodicorum aetiologicus et therapeuticus*) и получилъ дипломъ доктора медицины съ правомъ врачебной практики. Въ 1781 году, состоя уѣзднымъ врачомъ въ Гаммернѣ, близъ Магдебурга, онъ женился на дочери аптекаря въ Дессау, Іоганнѣ Кюхлеръ и имѣлъ отъ этого брака

четырехъ дочерей и одного сына. Черезъ три года, онъ отправился въ Дрезденъ, гдѣ настолько сошелся съ мѣстнымъ медицинскимъ инспекторомъ, д-ромъ Вагнеромъ, что во время продолжительной болѣзни послѣдняго исполнялъ его обязанности по медицинскому району и госпиталю, не покидая въ то же время литературы (здѣсь, кромѣ мелкихъ статей, онъ написалъ (1796) свой трактатъ объ отравленіи мышьякомъ) и занимаясь химіей; къ числу послѣднихъ работъ относится открытый имъ препаратъ, извѣстный *Mercurius solubilis Hanemannii*. Спустя четыре года, Ганеманнъ отправился въ Лейпцигъ.

Замѣчательная неутомимость 33-лѣтняго доктора объясняется только выдающеюся силою души и ненасытимою жаждою знаній, которой не могло удовлетворить занятіе врачебною практикою.

Недовольство практическою медициною того времени и научная добросовѣстность послужили главными причинами его переселенія въ Лейпцигъ; Ганеманнъ рѣшился отказаться отъ практики, предпочитая содержать семейство трудными работами по химіи, фармаціи и переводами французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ медицинскихъ сочиненій. Но здѣсь совершился рѣшительный поворотъ въ его жизни; отреченіе отъ медицины смѣнилось новымъ направленіемъ, давшимъ реформу всей терапіи.

Переводя статью о хинной корѣ съ англійскаго руководства Куллена, Ганеманнъ былъ пораженъ рѣзкими противорѣчіями касательно ея врачебныхъ дѣйствій и рѣшился испытать дѣйствіе средства на собственномъ здоровомъ тѣлѣ. «Съ этимъ первымъ опытомъ, — говоритъ онъ, — впервые блеснула мнѣ заря новыхъ, ясныхъ дней во врачебной наукѣ; онъ указалъ мнѣ, что лекарства могутъ излечивать болѣзни только посредствомъ своихъ болѣзнетворныхъ силъ на здо-

ровый организмъ и что симптомы тѣхъ и другихъ явленій должны быть сходны между собою».

Затѣмъ Ганеманнъ предался снова медицинѣ. Шесть лѣтъ хранилъ онъ свою идею, которой нужно было созрѣть и укрѣпиться для доказательной силы. Впервые онъ обнаружилъ свое ученіе въ журналѣ Гуфеланда, отдавая ее на безпристрастный судъ своихъ собратьевъ по наукѣ.

Въ 1805 г. напечатаны первые опыты надъ дѣйствіемъ лекарствъ на латинскомъ языкѣ, слѣдовательно, по адресу ученыхъ врачей; вскорѣ затѣмъ появилась статья и на нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ: «Heilkunde der Erfahrung», гдѣ въ первый разъ упомянуто слово гомеопатія.

Уже въ первые девять лѣтъ съ обнаруженія новой идеи леченія, на долю смѣлаго реформатора выпалъ цѣлый рядъ нападокъ и оскорбленій. Врачи и аптекаря, послѣдніе вслѣдствіе прямого подрыва ихъ торговли, объявили безпощадную войну новатору.

Отвергнутый представителями медицины. Ганеманнъ въ 1806 г. обратился къ не-врачамъ съ мастерски написанною популярною статьею; въ доказательствахъ не было недостатка,—и энтузіазмъ народа спасъ новое ученіе, а въ то же время заставилъ обратить на него вниманіе и нѣкоторыхъ спеціалистовъ.

Мы опускаемъ причины и подробности безпокойныхъ скитаній, какимъ подвергался Ганеманнъ со своимъ ученіемъ, гонимый изъ Лейпцига въ Альтону, Эйленбургъ, Махернъ, Виттенбергъ, Дессау, Торгау, Брауншвейгъ и наконецъ, въ 1811 г., снова въ Лейпцигъ.

Въ 1810 году, появился въ печати первымъ изданіемъ Органонъ врачебнаго искусства, — систематическое изложеніе новаго ученія. Здѣсь реформаторъ уже ломаетъ мостъ

за собою и увлекается своею идеею до экцентричности. Мы должны извинить послѣднюю, потому что она понятна, потому что она естественное и необходимое слѣдствіе самой природы вещей.

Въ физической и духовной жизни цѣлыхъ народовъ и отдѣльных лицъ происходитъ, по временамъ, сильное движеніе, энергическій толчокъ старому порядку, и въ этихъ случаяхъ проломъ всегда бываетъ чрезмѣренъ; по крайней мѣрѣ, на извѣстное время онъ много превышаетъ нужные размѣры, чтобы затѣмъ, малыми колебаніями, постепенно приблизиться къ нормѣ, при равновѣсіи дѣйствующихъ и противо-дѣйствующихъ силъ. Какъ при физической борьбѣ напряженіемъ мышцъ, борьба идей за правоту и признаніе должна также, на первыхъ порахъ, превосходить мѣру необходимаго. Что идея Ганеманна только взрывами могла пробивать себѣ дорогу, объясняется не столько своеобразиемъ самаго ученія, сколько противодѣйствіемъ затронутыхъ интересовъ, которое должно было придать борьбѣ крайне ожесточенный характеръ, обрушиваясь всею силою на слабыя стороны новаго ученія и на современные реформатору научныя взгляды.

Хотя уже во времена Ганеманна были извѣстные врачи, требовавшіе перестройки фармакологіи на новыхъ началахъ и осуждавшіе употребленіе лекарствъ на основаніи стародавнихъ преданій и фантастическихъ выводовъ, но никто не высказалъ этого такъ безусловно, никто не взялся самъ за это дѣло. «Необходимо наконецъ, — писалъ онъ въ 1808 г., — высказать громко и всенародно, что наше лекарствовѣдѣніе требуетъ полной перемѣны съ головы до ногъ. Существуетъ то, чего не должно быть, а необходимѣйшее совершенно упускается изъ вида. Зло до того укоренилось и назрѣло, что противъ него не поможетъ робкая уступчивость Іоганна

Гусса; здѣсь нужны весь огонь и настойчивость непоколебимаго Мартина Лютера».

Воззваніе не осталось безъ отвѣта.

Въ 1811 г., Ганеманнъ вторично прибылъ въ Лейпцигъ, страстно желая приобрести здѣсь независимую кафедру и клинику для практическаго оправданія своей теоріи. Это ему не удалось. Деканъ факультета даже запретилъ ему врачебную практику, требуя взноса 50 талеровъ для новаго экзамена на томъ основаніи, что существующій дипломъ полученъ изъ другаго университета. Ганеманнъ отвѣтилъ на это предложеніе исторически медицинскою статьею подъ названіемъ: Геллеборизмъ стариковъ (*Helleborismus veterum*), которая, благодаря классической учености, была благосклонно принята въ образованномъ обществѣ.

Такимъ образомъ, снова сбитый со свободнаго пути, Ганеманнъ разослалъ воззваніе къ врачамъ, приглашая ихъ къ себѣ для слушанія чтеній, и постепенно собралъ около себя кружокъ приверженцевъ, которые вскорѣ сдѣлались его сотрудниками.

Съ ихъ помощью, вышелъ въ 1811—1819 гг. фундаментъ гомеопатіи, — Чистое лекарствовѣдѣніе (*Reine Arzneimittellehre*), — въ шести большихъ томахъ, заключающихъ въ себѣ результаты изслѣдованія шестидесяти двухъ лекарствъ.

Втеченіе этого времени, слава Ганеманна и гомеопатіи росла все болѣе и болѣе, чему немало способствовали блестящіе результаты леченія тифозной горячки и холеры, впервые посѣтившей Европу изъ Азіи и настолько распознанной Ганеманномъ по ея симптомамъ, что онъ заглазно назначилъ противъ нея лекарства, изъ числа имъ изслѣдованныхъ, которыя пригодны отъ этой болѣзни и понынѣ.

Въ 1820 году, Ганеманна пригласили къ фельдмаршалу князю Шварценбергу, пораженному апоплексическимъ ударомъ. Хотя основатель гомеопатіи призналъ болѣзненное состояніе неизлечимымъ, тѣмъ не менѣе смерть князя, наступившая вскорѣ послѣ кровопусканія, сдѣланнаго безъ вѣдома и вопреки совѣту Ганеманна, отозвалась существеннымъ вредомъ для послѣдняго; по рѣшенію лейпцигскаго медицинскаго факультета, Ганеманнъ, по распоряженію правительства, былъ лишенъ права готовить самому и раздавать свои лекарства.

Намѣренія враговъ осуществились и дѣятельность Ганеманна была парализована; обладатель цѣлой новой фармакопеи долженъ былъ жить пособіями отъ аптекарей, ненавидѣвшихъ его ученіе, въ которомъ они видѣли собственную погибель.

Изъ этого бѣдственнаго положенія нашъ авторъ былъ вырученъ герцогомъ Фердинандомъ, который въ 1821 г. призвалъ знаменитаго врача, въ качествѣ лейбъ-медика, къ своему двору въ Ангальтъ-Кѣтенъ и предоставилъ ему полную свободу врачебной дѣятельности во всей странѣ. Здѣсь Ганеманнъ былъ уже не одинъ; значительный кругъ его приверженцевъ образовался даже изъ врачей, имена которыхъ украшаютъ литературу гомеопатіи. Такимъ образомъ ближайшая будущность новаго ученія была обезпечена.

Въ Кѣтенѣ Ганеманнъ имѣлъ большую практику; больные изъ другихъ странъ стекались сюда за совѣтомъ. Здѣсь же, на склонѣ жизни, началась для него пора, когда старость осуждаетъ человѣка на одиночество. Его единственный сынъ выселился изъ Германіи и пропалъ безъ вѣсти. Супруга его, дѣлившая съ нимъ дни бѣдствія и славы, скончалась на 43 году брачной жизни; дочери выданы замужъ—и Ганеманнъ остался одинъ въ своемъ домѣ.

Однакожь онъ вторично женился на французкѣ Меланіи д'Ервилли Гойе и отправился съ нею въ Парижъ, бывшій въ то время средоточіемъ всего свѣта. Парижъ и Франція могли лучше Германіи оцѣнить заслуги Ганеманна. Дѣйствительно, по прибытіи въ Парижъ, Ганеманнъ получилъ, при посредствѣ Гизо, высочайшее разрѣшеніе свободно распространять и практиковать свой методъ леченія.

Восемь лѣтъ Ганеманнъ практиковалъ въ Парижѣ, посѣщаемый отовсюду прїѣзжавшими врачами и больными; отсюда гомеопатія распространилась по всему свѣту.

Онъ умеръ 2-го іюля 1843 года, на 89 году жизни, пользуясь общимъ уваженіемъ и любовью окружающаго его общества.

Ганеманнъ, гомеопатія и крупинки образуютъ почти неразрывную тріаду, на основаніи которой необходимо обсуживать существованіе гомеопатіи и давнишніе нападки на нее. Эти малыя гомеопатическія дозы, въ особенности гомеопатическія потенціи, давно служатъ яблокомъ раздора между приверженцами ганеманновой школы, большинство которыхъ видитъ въ нихъ главнѣйшее препятствіе къ сближенію съ господствующею школою, не принимая въ расчетъ того, что отвергая ихъ, необходимо отступить отъ всего ученія; меньшинство же не менѣе добросовѣстныхъ врачей, напротивъ того, благословляетъ эти дозы, признавая ихъ высшимъ завершеніемъ гомеопатіи.

Этотъ споръ, гдѣ обѣ партіи мѣряютъ свои силы, хотя предосудителенъ, однакожь оправдывается безпристрастнымъ обсуживаніемъ ученія, на основаніи добытыхъ данныхъ и предоставляетъ каждому врачу-гомеопату въ распоря-

женіе всю скалу лекарственныхъ приготовленій, начиная съ первоначальнаго вещества до высшихъ дѣленій. Самъ Ганеманнъ высказалъ эту мысль еще въ 1813 г., на 58 г. жизни, въ предисловіи къ своему трактату о «Мышь-якѣ». Вотъ его слова:

«Умный врачъ отнюдь не долженъ ограничивать собственную пытливость и наблюдательность какимъ бы то ни было школьнымъ воззрѣніемъ.

Кругъ его дѣятельности обнимаетъ собою исцѣленіе чело-вѣка, почему всѣ безчисленные лекарственные дѣятели на землѣ, безъ всякаго исключенія, неограниченно предоставлены въ его распоряженіе Жизнедателямъ. Врачу, устранителю болѣзни, стремящейся къ уничтоженію чело-вѣка, предоставлена вся природа, со всѣми ея веществами и дѣятелями, для осуществленія этой цѣли; но онъ также долженъ дѣйствовать совершенно свободно и употреблять всѣ эти лекарства въ количествахъ на столько маломъ или на столько боль-шомъ, на сколько нужно для выполненія задачи, руковод-ствуясь указаніями наблюденія и опыта, притомъ именно въ той формѣ, какую укажутъ ему личныя сообра-женія и опытъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, вла-дѣя всѣми нужными знаніями, онъ не подчиняется ни малѣйшему ограниченію и дѣйствуетъ какъ свободный чело-вѣкъ и сознательный врачъ».

Если Ганеманнъ, въ послѣдніе годы жизни, придержи-вался постоянно и даже почти исключительно, безконечно-малыхъ приѣмовъ и даже 30 дѣленіе принималъ за нормальный приѣмъ, то мы отнюдь не обязаны слѣпо придерживаться его взгляда въ этомъ отношеніи, хотя должны относиться къ нему не иначе, какъ съ благодарностью, такъ какъ этимъ путемъ изслѣдователь достигъ чуднаго открытія, выяснилъ не-извѣстную до него и невѣроятную силу лекарства и достойно

увѣнчалъ свое ученіе, чего не отвергають гомеопаты даже крайней лѣвой стороны.

«Не предвзятое мнѣніе, не фантазія или причуда, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи къ Хинѣ, привели меня къ этому уменьшенію дозы, но многосторонніе опыты и наблюденія, которые ясно указали мнѣ, что усиленные приемы, даже вслучаѣ приносимой ими пользы, дѣйствуютъ все таки сильнѣе, чѣмъ нужно для излеченія. По этому малыя, даже малѣйшія дозы оказываются наиболѣе соразмѣрными для цѣли исцѣленія». Усиленными растираніями и взбалтываніями съ нелекарственными веществами (молочнымъ сахаромъ и алко-големъ) онъ училъ насъ развивать лекарственную силу въ совершенно нелекарственныхъ веществахъ. каковы: мѣлъ, крем-неземъ, поваренная соль, — силу, которую до него никто даже не подозрѣвалъ въ нихъ. Подобно ему, мы также, посред-ствомъ этихъ безконечномалыхъ дѣленій, ежедневно наблю-даемъ исцѣленія, которыя невольно изумляютъ насъ и от-крываютъ какъ бы новый свѣтъ.

Что касается невѣрующихъ, утверждающихъ, что это ничто, какъ имъ угодно называть наши высокія дѣленія. не можетъ вылечить больного человѣка, то мы укажемъ имъ только на болѣе старый вопросъ о происхожденіи и естест-венныхъ свойствахъ естественныхъ дѣтелей, вызываю-щихъ болѣзни человѣка. Если въ сферѣ «невѣсомыхъ», ко-торые безконечно меньше и тоньше нашихъ высокихъ дѣленій, мы не затрудняемся признавать агентовъ, которые служатъ причиною столь грубыхъ матеріальныхъ заболѣваній, то по-чему же отказывать нашимъ лекарственнымъ дѣтелямъ въ способности дѣйствовать специфически на эти естест-венные болѣзненные агенты, нейтрализовать, устранять и пресѣкать дальнѣйшій ходъ заболѣванія? Въ организмѣ причина и дѣйствіе не подлежатъ количественному сравненію

и отнюдь не представляют собою эквивалентовъ; дѣло гораздо болѣе зависитъ отъ пункта, на который подѣйствуютъ болѣзненный или лекарственный дѣятель.

Взглянемъ на заслуги нашего автора для медицины вообще.

На одномъ изъ лучшихъ мѣстъ Лейпцига возвышается памятникъ Ганеманну, но память о немъ на землѣ, конечно, будетъ долговѣчнѣ всякаго вещественнаго монумента. Дѣйствительно, онъ создалъ новую эру въ медицинѣ. Онъ пошатнулъ въ самомъ основаніи положенія современной ему медицинской іерархіи и, заручившись наблюденіемъ и опытомъ, далъ медицинѣ новую, общую основу леченія.

Онъ вспахалъ заново каменистую почву лекарствовѣденія и собралъ съ него богатую жатву драгоценныхъ лекарственныхъ дѣятелей.

Онъ вырвалъ съ корнемъ старыя лекарственные смѣси и на мѣсто фантастическихъ составовъ далъ простое лекарственное вещество.

Принципъ его леченія допустилъ и принудилъ его довести уменьшеніе лекарственной дозы, безъ утраты лечебной способности, до такихъ предѣловъ, что о неумышленныхъ отравленіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, въ рукахъ этого врача, лекарства перестали быть обоюдоострымъ мечомъ, способнымъ поражать не только болѣзнь, но и больного.

Отвергая лекарственные примѣси въ пищѣ, онъ упростилъ діету и сдѣлалъ ее болѣе сообразною съ условіями гігіены.

Онъ отвергъ леченіе формъ болѣзней и установилъ правило, что врачъ долженъ лечить не названія недуговъ, но больныхъ людей, состояніе которыхъ фотографически выра-

жается совокупностью крупных и тонких симптомовъ, составляющихъ нераздѣльное цѣлое.

Позднѣйшія открытія медицины, до которыхъ она достигла косвенными путями, были по большей части высказаны или намѣчены уже Ганеманномъ.

Медицинскій нигилизмъ, прикрывающій наготу свою флагомъ выжидательнаго метода, побѣдилъ господствующую школу современниковъ Ганеманна; что касается нашего времени, то больничные отчеты должны доказать, кто болѣе счастливый конкуррентъ съ этимъ пассивнымъ методомъ, гомеопатія или господствующая школа.

Указавъ значеніе нашего автора для медицины вообще, скажемъ нѣсколько словъ о подлежащей книгѣ,—одномъ изъ капитальныхъ его произведеній.

Органонъ Ганеманна представляетъ систематическое изложеніе и оправданіе его терапевтическаго метода. Этому сочиненію предшествовали многія статьи въ Журналъ Гуфеланда, главномъ медицинскомъ органѣ того времени въ Германіи. Онъ былъ впервые изданъ въ 1810 г. Второе изданіе появилось въ 1819; третье въ 1824; четвертое въ 1829; пятое и послѣднее въ 1833 г. ¹⁾ Всѣ изданія, кромѣ третьяго, представляютъ значительныя измѣненія, безъ знакомства съ которыми невозможно сдѣлать вѣрную оцѣнку самаго произведенія. Такъ напр., гипотеза о происхожденіи многихъ хроническихъ болѣзней отъ псоры, еще недавно авторитетно выставленная, какъ одна изъ существенныхъ основъ гомеопатіи, впервые является только въ четвертомъ изданіи. Теорія динамизаціи лекарствъ, т. е. возростанія ихъ

¹⁾ Русскій переводъ четвертаго изданія „Органона“ относится къ 1835 г.; онъ устарѣлъ и, кромѣ того, составляетъ уже библиографическую рѣдкость.